

НΟΥСΦΕΡΑ

KNOWSPHERE.RU

Марк Гурецкий

Ноусфера

«Aegitas»

Гурецкий М.

Ноусфера / М. Гурецкий — «Aegitas»,

ISBN 978-1-77-313004-0

В мире, о котором идет рассказ, из-под земли не выскакивают ужасные демоны, и коварные инопланетяне не поработают нашу планету. Если в книге и есть демоны, то лишь те, что живут в каждом из нас. Однако новый мир обещает быть не менее фантастическим, чем под игом пришельцев. Возможно ли такое наяву? Если в казино поставить фишку на одну из цифр, вероятность выигрыша – примерно 3 из 100. Уверен, что шанс оказаться нам всем в новом мире уже в этом столетии как минимум не меньше, чем сорвать куш в казино.

ISBN 978-1-77-313004-0

© Гурецкий М.

© Aegitas

Содержание

Ноусфера	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Гурецкий

Ноусфера

Ноусфера

Эта история слишком фантастическая, чтобы в нее поверить, но вполне реалистичная, чтобы иметь место уже в нашем столетии

Мужчина был лыс, дорого и стильно одет и столь необъятен, что его туша втесалась в кресло, оставив излишки на лакированных подлокотниках. Справившись с одышкой, он воззрился на меня глазами навыкате, в которых болтался коктейль из профессионального сочувствия, понимания и ободрения. Впрочем, букет благородных побуждений не мог разбавить основной ноты: глаза психолога горели алчностью. Он успешно делал вид, что обстановка номера люкс в «Национале» его нисколько не трогает. На деле язык выдал его первой же фразой.

– Обычно я принимаю у себя в кабинете, – сообщил Королев. – Но сделал для вас исключение, Марк. Как вы, без сомнения, понимаете, спешная поездка в Москву доставила мне некоторые неудобства.

– Как вы, без сомнения, понимаете, – передразнил я, – обещанный вам гонорар покрывает эти неудобства с лихвой.

Пригубив черный кофе, Королев обнажил в приятной улыбке неправдоподобно белые зубы и провел пухлой ладонью по несуществующей бороде. Должно быть, он сбрил ее совсем недавно. Интересно, зачем? Надоели сравнения с Фрейдом?

– Вы правильно сделали, что обратились ко мне, – заявил Королев. – Среди моих пациентов немало высокопоставленных особ. Артисты эстрады, крупные бизнесмены, есть даже один чиновник категории А.

Последние слова он произнес, понизив голос и деликатно кивнув на окно, за которым в туманной утренней дымке угадывалась красная крепостная стена.

– Да, мне вас порекомендовали, – с готовностью соврал я. Не сообщать же ему, что телефон частной клиники мне подсказала контекстная реклама в Яндексе, а краткий прайс-лист с ценами «от» внушал доверие, бесцеремонно отсекая бюджетных пациентов? – Надеюсь, вы умеете хранить чужие секреты. Для меня это важно. По крайней мере, на данных порах.

– Марк, должен сказать вам со всей прямоотой, – начал юлить Королев, – нам может не хватить одного сеанса. Я, скажем без ложной скромности, один из лучших специалистов в стране, но даже мне не всегда удается отогнать страх с первого раза.

– А с чего вы решили, что речь о страхах? – оборвал я. – Меня не мучат кошмары, Борис Витальевич. Я не ссусь по ночам (последние 30 лет), не страшусь собственной тени и, представьте себе, не испытываю приступов паники, когда снова сажусь за руль.

– Неужели? – подобрал губы психолог. – Насколько я понял со слов помощника, вы пережили жуткую автокатастрофу...

– Верно. Но гипноз мне нужен не для того, чтобы выкинуть ее из памяти. Напротив, мне требуется кое-что из нее извлечь.

Королев заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Часть жировых складок стекла с подлокотников, чтобы тут же оказаться зажатой меж двух боковин. Похоже, новая поза была еще менее комфортной, но доктор постарался не подать виду.

– Вы, стало быть, сами водите машину?

Я не мог сдержать улыбки. Этот человек определенно мне нравился.

– Нет, чаще всего это делает Александр. Молодой человек, который сопровождал вас сюда. Но год назад у меня не было личного водителя. Я разбился на «Форде Фокус», взятом в кредит с рассрочкой на четыре года. Страховая компания отказалась возмещать потери, и повисший на мне долг перед банком мог сравниться разве что с больничными счетами, которыми врачи поздравили меня с выпиской.

Доктор присосался к фарфоровой чашечке. Пока рот его прихлебывал жидкость, глаза юркими зверьками бегали по гостиничной обстановке, будто пытаюсь потрогать ее и удостовериться, что она не поддельная.

– Я думал, вы бизнесмен, – изрек он, оторвавшись от кофейной посуды.

– В некотором роде. Я наживаюсь на секретах. Даже самый толковый биржевой аналитик не заработает столько, сколько способен заработать человек с качественным инсайдом.

Глаза Королева сощурились, а крылья массивного носа затрепетали. Похоже, он снова учуял запах денег – как ищейка, потерявшая нюх лишь на миг, чтобы вновь взять верный след.

– Итак, вы хотите извлечь из своей памяти некую информацию? Насколько важную?

– Не извлечь, а восстановить в подробностях. Ваша задача – сделать так, чтобы я вспомнил все, что происходило на протяжении нескольких дней после аварии, в мельчайших деталях.

– Понимаю.

– Извлекать их наружу не обязательно. Главное, чтобы для меня все воспоминания легли по полочкам, в целом, и один важный документ – во всех мельчайших деталях.

Доктор заулыбался, а затем сделал вид, что закашлялся, деликатно прикрыв рот ладонью.

– Какой именно документ?

– Вы поймете сами: я очень старательно пытался его запомнить, посвятив этому не менее часа. Этот документ – техническая документация, ключ к...

Я задумался, подбирая правильно слово. Во время сеанса гипноза он сможет спросить меня о чем угодно, и я отвечу ему без утайки. Впрочем, какая разница? Не один, так другой. Ценность любого секрета – не в том, чтобы хранить его до последнего вздоха, а в том, чтобы им верно воспользоваться, пока он еще остается секретом. Мысль не совсем справедливая для маньяков, но я-то теперь – бизнесмен.

– ... Ключ ко всем тайнам, – я перевел дыхание. – Борис Витальевич, у вас есть секреты? – спросил я с прямолинейностью, недоступной пациентам-бюджетникам.

– Конечно, Марк. Я очень люблю сладкое, – фальшиво улыбнулся психолог. – Жена держит меня на диете, но проконтролировать каждый мой шаг неспособна.

Издав густой хохоток, мужчина запустил пухлую руку в конфетницу на журнальном столике и поддел пальцами шоколадную трубочку.

– А что, если бы ваша жена вдруг узнала про каждую сладость, которую вы проглотили тайком от нее?

– Ну, надеюсь, вы сохраните мою маленькую тайну с тем же тщанием, с каким я буду хранить ваши, – ответил Корольев, скалясь в широкой усмешке.

Зубы его покрылись шоколадной коркой и утратили фаянсовый блеск.

Такой тип, конечно, молчать не умеет. Но бояться мне нечего. Даже если он выведает мою историю во всех подробностях, он вряд ли в нее поверит. Скорее порекомендует когонибудь из коллег, специализирующихся не по терапевтическому, а по клиническому направлению. Оккупировав каждый квадратный сантиметр покрытого мягким бархатом кресла, Коро-

лев излучал в пространство чувство собственного превосходства. Прямо как радиацию. Мне вдруг захотелось сбить с него спесь.

– А как насчет настоящих секретов, Борис Витальевич? Что вы на самом деле прячете от других? Украденные научные работы? Супружеские измены? Быть может, примеряли женские чулки...

Королев насупился и посмотрел на меня исподлобья.

– У вас богатая фантазия, – откликнулся он. – Это хорошо для рыбаков и литераторов. Но чаще всего это признак шизоидного расстройства личности. Возможно, нам все же стоит перенести встречу в мой кабинет.

– Простите, я не хотел вас обидеть, – я вложил в улыбку все очарование, на какое был только способен. – Считайте мой вопрос признаком профессиональной деформации. К тому же мне будет легче раскрыться, если вы тоже что-нибудь о себе расскажете. Разве это не часть вашей работы? Откровенность за откровенность?

– Нет, – он решительно помотал головой, усаженной на короткую шею. – Это все сказки для дилетантов. Дело психолога – выслушивать и подсказывать варианты решений, а не меряться с пациентом величиной проблем. Но, если уж вам так хочется знать обо мне что-то постыдное, могу признаться, что один раз я был на нудистском пляже!

Королев развел руками, будто бы извиняясь.

– И что, вам там не понравилось?

– А вам? Понравилось... бы? – быстро переспросил он. – Вы любите расхаживать голым при посторонних?

– Боюсь, это не мой фетиш. Но недавно мне пришлось прожить некоторое время там, где все и всегда обнажены друг перед другом.

– Что? Совсем без одежды? Коммуна нудистов? – доктор уставился на меня с явным недоверием.

– Хуже. Это как если бы с вас силой сорвали одежду, а чужие взгляды не гладили вас и не кололи, а прожигали до самых костей.

– Любопытно, – потряс брылями доктор. – И что же это за место? В нашей стране?

– Ну, скажем так, не очень далеко от того места, где мы находимся.

– И все там глазели друг на друга?

– Скорее наоборот. Старались отвести друг от друга взгляд, боясь столкнуться с чужими изъянами. Или, что хуже, увидеть отражение собственных. Понимаете, когда освещение слишком ярко, оно не подчеркивает красоту и уродство, а делает их одинаково неприглядными.

Королев слушал, оглаживая несуществующую бороду. Теперь он смотрел на меня новым взором, будто изучая диковину.

– Загадочные тайны, президентский люкс, цветистые речи... быть может, вам стоит бросить игру на бирже и занять себя писательским ремеслом?

– Если только призвать на помощь литературных негров: русский язык никогда не был моими любимым предметом... Да и разве от шизоидного расстройства личности меня уже вылечили?

Королев шуточно погрозил пальцем.

– Вы остры на язык и злопамятны, Марк. Seriously вам говорю, попробуйте что-нибудь написать. Начните хотя бы с дневника. Поверяя бумаге мучительные проблемы, вы сможете частично решить их. Говорю вам это как специалист.

– Возможно, я и последую вашему совету. Но не теперь. Сейчас мне нужно получить то, за чем я вас сюда пригласил.

– Да, разумеется.

Налет веселости соскользнул с Королева, как змеиная кожа. Поднявшись с кресла, он уже не выглядел рыхлым и необъятным. Приблизившись пружинистым шагом к секретеру, на

котором он оставил винтажный докторский саквояж, Королев покопался в недрах чемоданчика и извлек наружу не менее старомодный бронзовый метроном. Судя по вьезшейся в металл благородной зелени, вещица в самом деле была старинной.

– А почему не маятник с медным диском? – скривился я.

– У меня свой, авторский, метод погружения в трансовые состояния, однако настройка на успешный сеанс требует хотя бы минимального антуража. Точнее, в нем нуждается большинство моих пациентов.

– Это как черные свечи и хламиды с цепями у всяких там ясновидящих?

– Именно.

Перейдя от слов к делу, Королев утратил улыбку. Движения его стали скупы и деловиты, а взгляд – отстранен и прохладен. Он теперь напоминал мне не гиппопотама на отдыхе в луже, а скорее медведя, пробирающегося сквозь чашу к медовым ульям.

– Как мне сесть? – озадачился я.

– Оставайтесь на месте, если вам так удобно.

Прихватив на обратном пути колченогий табурет с мягкой обивкой, Королев оседлал его и устроился рядом со мной – так, чтобы едва попадать в фокус моего зрения. На журнальный столик он водрузил метроном. Тяжелая стрелка приковала мой взгляд, едва начала мерно раскачиваться из стороны в сторону, сопровождая каждое движение звучным металлическим щелчком.

– Вы готовы, Марк? – тихо, как эхо, спросил Королев.

Про себя я задавался тем же вопросом. Готов ли я к тому, что сейчас происходит? А был ли готов к тому, что уже случилось? И смогу ли подготовиться к тому, чему суждено сбыться? Никто не готов к неизвестности. А вот к известности... к ней подготовиться и вовсе нельзя. Похоже, я соврал доктору насчет своих страхов: далеко не все из тех событий годовой давности я мог вспомнить безболезненно. Знание о том, о чем я не хотел бы знать, надвигалось на меня жаркой волной, как магма из раскаленных глубин. Океанская пучина информации, толща сведений плотностью в тысячи атмосфер. Конечно, я не готов. Мы не готовы. Никто не готов.

– Марк?

Я медленно втянул в себя воздух и огладил предплечья ладонями: волосы на руках вздыбились, как от порыва холодного ветра, хотя кондиционер поддерживал в номере комфортную температуру.

– Готов.

– Тогда приступаем. Мне нужно, чтобы вы припомнили день катастрофы. Не спешите к моменту аварии. Отмотайте несколько часов в прошлое. Начните с того события, которое ярче всего отпечаталось в вашей памяти.

Голос Королева был глух и холоден, как полированный металл. Попробовав его на вкус, я ощутил на языке зеленую от времени бронзу. Да, похоже, доктор знал свое дело. Прикрыв веки, чтобы стрелка метронома не резала глаз своим неустанным движением, я окунулся в минувшее, налетевшее на меня калейдоскопом образов, запахов и, что было хуже всего, визгливых оглушительных звуков.

Едва сигнализация умолкла, я опять пнул колесо, чтобы машина вновь зашлась воем и криками. Эту операцию я проделывал с периодичностью раз в пару минут. Когда звон в ушах сделался невыносимым, я с трудом подавил желание оторвать зеркала и расколошматить ветровое стекло монтировкой. Меня сдерживало не самое плохое воспитание, полученное в детстве, и опасение ответных санкций этого придурка, перекрывшего выезд моему форду своим

поганим ниссаном. Дождаться его нисхождения с пятого этажа пришлось минут двадцать. Ни «простите», ни «извините». Сел в свой рыдван с таким видом, будто это я ему загородил дорогу. Передвинув машину ровно на метр вперед, он заставил меня протискиваться в оставленный им просвет, дожидаясь, пока я освобожу ему свое место.

Разумеется, момент, когда до работы можно было домчаться за четверть часа, был упущен. Утреннюю летучку я пропустил в компании таких же неудачников, застрявших в хроническом заторе на Дзержинке. Черт, надо было плюнуть на этот ниссан и насладиться давкой в маршрутке. Михалыч, конечно, постарается меня прикрыть, но если Мегера не в духе, то белый свет мне влетит не в копеечку, а в сотню зеленых (или сколько они там теперь дерут за опоздание без уважительной причины). Старая кошелка решила сжить меня со свету, не иначе. С той поры как я облажался с «Химтэком», она выискивает любой повод, чтобы лишить меня премий и бонусов. Неточность в оценке, задержка со сдачей отчетности, неправильный порядок документов в пакете – и костлявая ведьма орет на весь опенспейс о том, какой я нерадивый. А потом бежит к Самохвалову жаловаться.

Услышав трезвон мобильного, я вцепился в руль посиневшими пальцами. Если Мегера намерена рвать и метать все оставшиеся 150 метров до делового центра, живым я туда точно не доберусь. Хорошо бы это оказался Михалыч.

– Марк, дарова! Как жизнь?

От души отлегло. Серега, проклятый индеец, что ж ты так рано звонишь?

– Дружище, есть дельце. Тебе точно понравится. Ты же у нас в бизнесе шарить и вообще чувак головастый. Я ни к кому другому даже обращаться не стал, сразу тебе набрал!

Понятно. Значит, Санчелло с Антохой Серегу уже послали. Хотелось бы знать: он им тоже в восемь утра позвонил или они накануне отделались? Антоха, кстати, мог бы и предупредить.

– Слушай, старик, мне щас долго говорить неудобно, давай сегодня в городе словимся, поболтаем? Ты работаешь? Во сколько у тебя там перерыв? Что? Как это «из здания не выпускают»? Тебя там что, в заложники взяли? Хочешь, я приеду, устрою им холидей ин Камбоджа?

Паршивое настроение улетучилось, как только я представил себе лицо Мегеры при встрече с Серегой. Ботаник на первый взгляд, он одновременно носитель столь могучей харизмы, что в разговоре с ним обмирают даже закаленные в деловых переговорах банкиры. Он бы сразу поставил ее на место. Сказал бы несколько пугающих фраз на своем диковатом жаргоне, сверкнул глазами с безуминкой, а затем весело рассмеялся во все три ряда зубов.

Родители определенно упустили момент, когда Сереге можно было вправить мозги на место. Около пятнадцати лет он потратил на приобретение трех красных дипломов, ни один из которых ему в жизни не пригодился. Пять лет осваивал политологию, чтобы заявить о своей ненависти к политике и провозгласить единственным толковым политологом Че Гевару. Столько же потратил на изучение ядерной физики, каким-то чудом поступив на бюджетное отделение столичной Бауманки. А ближе к третьему путинскому сроку возмечтал об экспедициях в геологическую разведку, песнях у костра в дикой глуши и консервированной закуске под неразбавленный спирт. Ну и пошел точить зубы о гранитные стены на факультет геологии и геофизики.

Мы познакомились в перерыве между его метаниями, когда Сереге вздумалось стать мультимиллиардером и он поступил к нам сразу на третий курс «Финансов и кредита», чтобы освоиться с цифрами и диаграммами. Теория давалась ему легко, а вот с практикой не заладилось: Серегин карман был неизменно пуст, и на потоке вскоре не осталось ни одного студента, которому бы он не задолжал аховую сумму денег. Поговаривали, что однокурсникам он должен был еще больше, но девушки хранили его секреты зорче, чем собственную невинность. Быть может, потому что последней лишались на пахнущих кожей сиденьях роскошно-бэушного «Линкольна-Навигатора» в те редкие дни, когда у Сереги хватало монет на бензин для

этого пятилитрового монстра. На вопросы, зачем Серега приобрел машину, которую не способен содержать, весельчак лишь отмахивался: зато, мол, ни одна сволочь не осмелится подрезать. Доля правды в его словах, несомненно, была, с неудовольствием подумалось мне, когда я вспомнил утреннюю сцену с соседским ниссаном.

– Марк, ты уверен, что хочешь туда идти? – лицо старшего завхоза (Михалыч дразнил их «хозбандой») треснуло в ехидной усмешке.

Прошелестев мимо по коридору, он похлопал меня по плечу. Ну конечно. Мегера накапала на меня Самохвалову и получила очередное «добро» на административные меры воздействия.

– Вы ленивы. Вы безответственны. Вы некомпетентны. Вы безынициативны. Вы...

Пока Мегера отчитывала меня на глазах у половины офиса, я старательно разглядывал носки своих туфель, чтобы старая кляча не догадалась, какими ответными эпитетами и прилагательными я награждаю ее про себя.

– Вы не заслуживаете работы на своей должности! В этой компании нет места ленивым и некомпетентным сотрудникам!

Опять проблемы с глоссарием. Когда губастая Панюшкина собирала деньги на подарок к последнему дню рождения Мегеры, я пообещал сдать свою пятихатку только в том случае, если вместе с букетом ей преподнесут словарь синонимов и фразеологизмов.

– Если хотите остаться на своей должности, вы должны показать результат! Мне нужен результат! Почему Панюшкина всего полгода у нас работает, а план выполняет не на восемьдесят процентов, а на сто двадцать?

«А почему Панюшкина с первого месяца пропадает в кабинете Самохвалова не на три минуты, достаточные для взбучки, а на все пятнадцать, необходимые для качественного производственного минета?» – мог бы спросить я у слепой Мегеры, откажи мне вдруг инстинкт самосохранения. Коллеги уткнулись в мониторы и телефонные трубки и усердно стрекотали по клавишам, делая вид, будто происходящее их не касается. Кое-кто прятал улыбку. Затылком я чувствовал взгляд Михалыча, столь надежный и твердый, что на него можно было опереться.

Подумать только, некомпетентен и безынициативен. Знала бы Мегера, как обо мне отзывался завкафедрой, когда я писал под его руководством диплом по теме «Государственный капитализм как новый шаг развития предпринимательства в России!» «Когда станете министром финансов, Гурецкий, я лягу в гроб с чувством выполненного долга», – уверял престарелый профессор. И ведь я ему верил, как родному отцу. Обманул, не дождался. А на практику в столичное министерство взяли не меня, а Антоху. Теперь на каждой встрече выпускников этот хлыщ сверкает позолоченными запонками и корчит из себя большую шишку: «Вот когда мы с Германом Оскаровичем, а вот когда мне Герман Оскарович, а вот когда я Герману Оскаровичу...». Чтоб вам в дефолт провалиться вместе с Германом Оскаровичем!

Нет, надо давить в себе злобу. Кого винить в неудачах, кроме себя самого? Папа до сих пор уверен, что это был залет и одна неудачная палка воткнулась в колесо моего профессионального потенциала до конца моих дней. Даже два года счастливой жизни в Юлькиных объятьях не смогли разубедить моего мастодонта. Только и твердит: «Поступай, как знаешь. В твоих дурачествах я тебе не помощник». Ошибкой, конечно, была не женитьба. Ошибкой было похерить аспирантуру и устроиться в секту с Самохваловым-богом и пророком его Мегерой. К счастью, сеанс причащения корпоративной мудрости подошел к концу, и окончание его весьма кстати совпало с обеденным перерывом. Отделавшись от сочувствия равнодушных коллег, я добил текущую работу – комплект документов по реорганизации очередного незапамятного ООО «Незабудка», выскользнул из опенспейса и ринулся через коридор к турникетам на выходе.

– Марк, ты далеко? – только и успел крикнуть Михалыч.

Отмахнувшись, я поднес карточку к считывателю и выскочил в фойе, где меня поджидал спасительный лифт. Охранник за столиком посмотрел мне вслед волчьим взглядом – как на овцу, самовольно отлучившуюся из загона. Но мне было уже все равно.

– О, галстух! Типа шелковый, да? – едва завидев меня, Серега ухватился за предмет гардероба жирными пальцами, даже не подумав их вытереть после обращения со свиной рулькой. – Пива накатишь? Тут темное чешское забубенное – такое плотное, что ложкой есть можно!

– Это называется «стаут».

– Как-как называется? – Серега приложил ладонь к уху. – Ась?

Никогда не поймешь, когда он шутит, а где серьезен. Шутовское поведение Серега сделал броней, за которой незнакомцам труднее разобрать его истинные намерения.

– Серег, ты опять бездельничаешь?

– Да что ты такое говоришь? Я рабочий человек, все руки в мозолях! – Серый предьявил мне ладони, растопырив пальцы с длинными перепонками, делавшими их похожими на лягушачьи лапки.

– А почему только на правой? Тебя девушка бросила?

Серега прыснул.

– Старик! Я бы тебя в петросяны направил, но тебе лучше в ванги податься! Уже месяц как с Варькой расстался. Помнишь Варьку?

– Это которая с брекетами?

– Не, которая с сиськами. С параллельного потока.

– А, эту-то, конечно, помню! Мы с ней даже зажгли как-то раз у Антохи на вечеринке.

– Вот-вот. Она тебя с того раза до сих пор вспоминает.

– Да ну, врешь!

– Вот те крест! – Серый обмахнул себя жестом, который скорее походил на трапецию. – Что ты с ней делал-то, признавайся? Она так часто о тебе говорила, что я с ней чуть импотентом не стал. Хочешь, дам телефончик? Она пока в городе, но скоро вроде как в Москву собирается. Какая-то работа, то-се. Пока не сплыла, хватай на крючок!

– Не, Серег, я женат. Счастлив в браке.

– Так я ж тебе не жениться на ней предлагаю, дурила! – заржал Серый, с уголков его рта потекло пиво. – От счастья отдыхать тоже надо, а то хлебало улыбкой порвет. Встретитесь, развлечетесь, вспомните юность. Можно под это дело даже вечеринку у Антохи соорудить, как он в город приедет. Чтобы на скрипучем диване, как полагается!

А что, почему бы и нет? Давно компанией не встречались. Да и Варю бы неплохо увидеть – потрепать о том да о сем. Я ведь изменять жене не собираюсь. У Юльки у самой сиськи не хуже. Хотя у Варвары, конечно, побольше. И еще жадность эта до секса...

Серега уже отыскал в своей телефонной книге нужный контакт и заставил меня переписать его в свой телефон. Чувствуя ниоткуда взявшуюся неловкость, я решил сменить тему и принялся расспрашивать Серого о том, что еще в его жизни нового.

– У меня в целом все ровненько. Взясся за ум, устроился в одну конторку с военным уклоном. Работа непыльная. Точнее, как раз очень пыльная, но у меня ж аллергии нет! Там в основном служивые пашут, но гражданского персонала тоже хватает. Сапоги нас штафирками называют.

Я присвистнул.

– Это не ты ли от армии пытался закосить всеми возможными способами, вплоть до симуляции энуреза?

– Обижаешь, старик, я даже в военкомат ходил как на праздник!

– Помню-помню, рассказывали. Разделся догола еще на входе и бегал по всему военкомату, требуя немедленно зачислить тебя в РВСН и поручить тебе охрану Большой Красной Кнопки.

– Ну чего не сделаешь из любви к Родине? Я тогда еще перьев думал в жопу навтыкать, чтобы на крайняк хоть в авиацию взяли. Но это все полумеры. А я с детства мечтал бороздить космические пространства на горбу крылатых ракет!

– А с георазведкой у тебя что, не заладилось? Ты не по специальности сейчас работаешь?

– Вот именно разведкой и занимаюсь. И даже, можно сказать, гео-. У меня тут бизнес вытанцовывается, дружище, на пятьсот тыщ миллионов. Разбогатеем с тобой, как братья Люмьеры!

Ага, значит, мы с тобой. Я кисло улыбнулся. Пройдет еще минут пять, от силы пятнадцать, и Серега начнет клянчить деньги на очередное безнадежное предприятие. Если это опять какой-нибудь домашний завод по производству паленой виагры, то пусть лучше называет Саньку. Может, родители тому еще одну машину купили и Санчелло снова захочет продуть ее в мыльный шарик Серегиных безудержных фантазий.

– Старик, брось эти обиды. Кто старое помянет, тому сам знаешь, что куда. Ты не представляешь, на что я тут наткнулся!

Серега потер друг о друга ладони, покрытые тонким слоем нервного пота. Длинный, нескладный, с вечно сальными черными кудрями, но при этом энергичный и удалой, как игрушечный паровозик, он захлебывался подробностями. Люди за соседними столиками оборачивались на громкий голос, официантка специально задержалась у столика, чтобы присмотреться к источнику шума, но Серега не обращал на окружающих внимания и без умолку выдавал мне одну за другой страшные военные тайны.

Трасса давно опустела, и на ее обочинах факельным шествием выстроились работающие фонари. Я высадил Серегу, как он и просил, возле неприметных ворот, прерывавших длинный забор из беленого кирпича. За забором угадывался обширный пустырь. Где-то в одном из зданий давно расформированной военной части все еще функционировал забытый богом НИИ, где Серега не только трудился, но и жил с тех пор, как родители его выгнали, чтобы он не клянчил у них средства на существование.

Конечно, перед тем как расстаться, мы еще раз накатили по пиву. Наверное, отец все-таки прав: что это, если не дурачество? Я ведь никогда не садился за руль нетрезвым, ни разу в жизни. Проклятый удав Серега давно и надежно спелся с зеленым змием, и вместе они задушили меня в братских объятиях. Я плюнул на составление годового отчета для тарного комбината, подготовку арбитражных документов для дюжины «Незабудок» и обещанный Самвелу Саркисовичу бизнес-план сети передвижных секс-шопов. Гнева Самвела, нашего нового столичного клиента с белым капиталом и темным прошлым, я опасался немногим меньше, чем воплей Мегеры. Вероятно, с утра я буду раскаиваться, клясть чешский стаут (верные традиции, мы с Серегой быстро перешли на ирландский), на коленях молить Самохвалова о прощении и обещать, что если не управлюсь до конца недели, то он лично сможет протестировать на мне весь ассортимент продукции Самвела. Может быть, мне даже придется поцеловать в засос Мегеру. По крайней мере, после этого она не посмеет упрекнуть меня в безынициативности.

Мысль о французском поцелуе с Мегерой вызвала тошноту. Комок рульки подступил к горлу так резко, что я едва удержался, чтобы не извергнуться себе на колени. От спазма руль дернулся, и машина вильнула в сторону. Не без труда справившись с управлением, я решил отложить все сомнения и страхи на завтра.

На соседнем сиденье беззвучно мерцал экран телефона. Я перестал поднимать трубку после того, как Юленция в третий раз потребовала ответа, когда я наконец появлюсь дома. О моем корпоративном демарше ей растрезвонил Михалыч. Увидев, что я не вернулся в офис, он решил, что от разговора с Мегерой мне поплохело. Хотя, честно признаться, мне давно не было так хорошо, как сегодня, в дорогом моему сердцу пабе. Пусть даже и пришлось заплатить за проглоты Серегу. Ощущение свободы, а также сведения, которыми он со мной поделился, стоили куда больше.

До сих пор не укладывалось в голове: как такое возможно? Почему очевидную золотую жилу забросали землей и присыпали пылью – да так, что противно дотронуться? Впрочем, я ведь и сам фыркнул, когда Серега поведал мне о сути открытия. Интернет настолько забит «документальными» историями о боевых экстрасенсах, психотронном оружии и рептилоидах с планеты Нибиру, что любая история, выходящая за рамки привычного и ожидаемого, кажется досужими рассказами. Но если хотя бы половина рассказанного другом не выдумка (а Серегу, при всем его хвастовстве, никак не назовешь вралем), то коммерческий патент на открытие может принести обладателю сказочное состояние.

– Старик, я своими руками держал эти документы. Своими глазами видел комментарии на полях, писанные Вернадским, – убеждал меня Серый. – Ты если мне не веришь, хотя бы Владимира Ивановича не обижай!

По уверениям Серегу, всю зиму прокорпёвшего в институтском архиве за разбором бумаг, утративших гриф секретности за давностью лет, концепция ноосферы перешла из теоретической плоскости в эмпирическую незадолго до смерти великого ученого. Первые практические наработки академику удалось реализовать в эвакуации, в Казахстане. Подлинный же прорыв случился два десятилетия спустя, когда на разработку революционной технологии бросили целый «почтовый ящик», в целях пущей секретности дрейфовавший по всей стране, как островок растительности в низинном болоте.

– А при чем тут твоя геология? Почему геологи этим занимаются? – мне было сложно побороть скепсис, и я ежеминутно перебивал Серегу вопросами.

– Балда ты! Не геологи, а геохимики. Такие же, как мы с Вернадским.

Чего-чего, а скромности Сереге было не занимать.

– Если, ты говоришь, они прорвались в эту самую ноосферу, то почему, в конце концов, работы свернули?

– Потому что руководители института закормили партийных бонз и кураторов из ГРУ невыполнимыми обещаниями. Те ждали, что перед ними телевизор поставят, по которому можно будет подсматривать, как Рональд Рейган на толчке в Белом доме сидит и коды запуска баллистических ракет на туалетной бумаге запачканным пальцем рисует. А по факту максимум, что можно было расшифровать из тех данных, что им в ноосфере открылись, – это атмосферные явления где-нибудь в штате Луизиана. И то с вероятностью не выше подбрасывания монеты. В 60–70-х все упиралось в отсутствие вычислительных мощностей, вот в чем штука! Ты бы видел этот могильник из перфокарт в нашем архиве! По три коробки перфоленты на каждый сраный прогноз погоды. И никакой возможности перекодировать в аудиовизуальную форму. А теперь представь, что будет, если обрабатывать данные из ноосферы с помощью современных компьютеров!

– Погоди-ка, Серег, в восьмидесятых уже программы писали на ассемблере и ай-би-эмы в совке завелись. Почему их не стали использовать?

– Потому что к тому времени все развалилось к хренам собачьим, понимаешь? Гласность, перестройка, ускорение. Мы тогда настолько ускорились, что экспериментальная установка пошла на цветмет. Да ты зря смеешься, я серьезно тебе говорю! Чего ты хотел, лаборанты по полгода зарплаты не видели.

– Ты не шутишь? Открытие века взяли и вот так просто пустили коту под хвост?

– А ты не забывай, как страна называется. Почему Попов – в учебниках, а Маркони – в шоколаде? Почему Королев в ГУЛАГе сечку жрал, пока Сикорский вискарем в Америке наливался?

Сергея даже не заикнулся про деньги. Он лишь хотел обтяпать это дельце как можно быстрее. И обратился по верному адресу. В голове у меня моментально сложилась схема: одну из «Незабудок» я переоформляю на нас с Сергеем. Фиктивный уставной капитал, спившийся бомж на должности гендиректора (к нему все вопросы), подходящий набор видов деятельности. Одновременно регистрируем компанию на Кипре и сливаем ей «Незабудку», чтобы одной ногой шагнуть через запретную полосу государственной юрисдикции. И только затем бежим в патентное бюро заявлять права на наши будущие миллионы.

– Мне главное, чтобы на патент никто не позарился, – заклинал Сергей. – Сам понимаешь, где живем: если утром не обокрали – значит, вечером изнасилуют. Так что давай, шевели булками. С меня чертежи и хорошее настроение, с тебя «Гугл Майкрософт Корпорэйшн». Deal?

– Дил, дружище. Только имей в виду: если ты пропадешь в последний момент, как в тот раз, когда мы твою «биржу уродов» мутили, я тебя из-под земли достану и наделаю в тебе столько дырок, что ты сам сможешь перфокартой работать!

– Биржу талантов, дурила! – Сергей заржал без тени обиды или раскаяния.

На него нельзя было злиться подолгу. Тем более не я один купился на эту идею: наш стартап тогда чуть не получил приличный гранш от известного венчурного фонда. Глядя на бесшабашное выражение на лице друга, я против воли присоединился к нему в приступе хохота.

Улыбка застыла на моем лице, как гипсовая маска античных комедиантов, когда я летел домой по ночной трассе. Свет фонарей слился в серебристую полосу и парил надо мной, указывая дорогу. Мой Млечный Путь к светлому будущему и ярким звездам. Перспективы, которые открывал нам патент, громоздились в моей голове, толкаясь друг с другом, как колхозницы в очереди к прилавку сельпо. Я чувствовал себя берсерком, впавшим в боевое безумие. Мне грезились лица Мегеры и Самохвалова, когда через месяц-другой я приду к ним за трудовой книжкой. Нет, не приду, а приеду на собственном бентли цвета кубанита! (Спасибо геологу Сергею: я-то долгое время думал, что оттенок моего «Фокуса» – серый, как и написал в техпаспорте дальтоник-регистратор.) А еще лучше – не на чопорном бентли, а на хищном приземистом мазерати, таком же, как тот, что промчался сейчас мимо меня, обгоняя по встречке. Я утопил педаль газа, стремясь настигнуть соперника и поглядеть, кто же там в салоне сидит такой резвый. Наверняка восемнадцатилетний мажор, сынок губернатора или прокурорского решалы. Михалыча обязательно перетянем к себе. Он, конечно, немолод, зато надежен и исполнитель. И Панюшкину тоже прихватим вместе со всеми ее губами. Пускай работает, чем умеет. Да и будет чем время занять, пока Юлька пропадает в своих спа-салонах. А Мегере предложу должность замдиректора по чистке толчков. Сниму офис на целый этаж и специально разведу технический кран с туалетами в разные концы помещения. Пусть таскается по всему опенспейсу туда и обратно с тряпками и с ведром. Вот с таким же точно ржавым ведром, как то, что болтается на кузове этого КамАЗААААААААААА!!!!

Стадо буйволов несется вскачь по расплавленной солнцем пустыне, взрывая копытами землю, выкорчевывая сухой ковыль и поднимая в воздух облака душной пыли. Солнце слепит до боли, гоня стадо к линии горизонта. Быки оглушительно мычат, разрывая приближающимся воем барабанные перепонки. Впрочем, откуда у перекасти-поля барабанные перепонки? У него есть только катун, состоящий из ветвистых стеблей. Этому факту перекасти-поле научили в незапамятные времена, на заре всемирной истории. Кажется, на уроке ботаники. Тогда пере-

кати-поле не было безмянным, и ему было свойственно странное сочетание звуков – Марк Гурецкий.

Буйволы скрылись из виду, хоровое мычание стихло, яростный свет растекся по векам матовой белизной. Мычал, оказывается, я, ворочаясь на жесткой лежанке. Превозмогая тяжесть в мозгу, я разлепил веки, сфокусировал зрение и уставился на низкий равномерно подсвеченный матово-белый потолок. Для рая здесь, пожалуй, тесновато. Потолок, пол, четыре стены. Выходит, я все еще жив.

«Воды?» – зевнула дежурившая на краю беспмятства мысль. Ее тут же сбила с ног и размазала по асфальту другая: «КамАЗ!!!». Сердце ухнуло, едва память прокрутила перед моими глазами в ускоренном темпе фильм о последних секундах перед аварией. В ушах раздались отголоски адского грохота и скрипа сминаемого металла. Боже, я ведь себя чуть не угробил! Должно быть, меня вытащили и успели доставить в больницу. Вопрос только: насколько целым?

Я сел на кровати и сбил в ком прикрывавшую меня простыню. Ощупал голову – цела. Только волосы куда-то подевались. Видимо, их обрили, чтобы заштопать рану. Правда, непонятно, где рана. Ни повязок, ни рубцов, ни болезненных ощущений. Руки в порядке. Ноги, пальцы, запястья. Видимых повреждений нет, все суставы работают. Только вот... руки, судя по их внешнему виду, принадлежат постороннему человеку. Нет, ладони явно мои: безмянные пальцы длиннее указательных, на правой кисти едва заметный шрам от ожога – результат детской игры с горящим полиэтиленовым пакетом... Только вот кожа на ладонях запеклась морщинами, суставы припухли, короткие волоски на фалангах пальцев выцвели почти добела, а тыльные стороны ладоней вздулись голубой сеткой кровеносных сосудов. Руки если не глубокого старца, то человека, изрядно зажившегося на этом свете.

Продолжив исследовать свое тело, я осмотрел потемневшие соски в обрамлении редких седеющих волосков и обнаружил под ними обрюзгший живот. А сорвав с себя простыню, уставился на предмет мужской гордости, гордиться которым теперь стало несколько затруднительно: такой родной и знакомый по форме, он скукожился, а волосы на лобке, утратившие жизнерадостный солнечный цвет, приобрели пепельно-белый оттенок.

– Я старик, – с ужасом проронил я в пустоту помещения, вслушиваясь в свой голос.

Голос тоже оказался чужим – стал ниже, гортаннее и будто растрескался.

«Может быть, глоток воды?» – отряхнулась, поднявшись с пола, первая дежурная мысль. Но ее уже отталкивала новая, беспокойная и настырная: «Зеркало!». Озираясь по сторонам, я не нашел ничего похожего на искомый предмет, зато начал узнавать помещение. Потолок покоился, как ему полагается, на четырех стенах, а стены, в свою очередь, вырастали из пола, покрытого жутким советским линолеумом, вытертым тысячами казенных тапок. За единственным на всю палату окном сиял летний день, однако солнечные лучи отчего-то не пробивались сквозь стекла, будто бы растекаясь по стеклянной поверхности. Рядом с кроватью стояла неказистая тумбочка, в углу притулился куцый столик с парой обтянутых дерматином металлических стульев, дверной проем зиял пустотой: кто-то вынес тяжелую дверь со стеклянной смотровой щелью.

В эту самую дверь я неоднократно проникал в детстве, сгибаясь под тяжестью авоськи с лимонами и апельсинами. Отлеживаясь после инсульта, бабка целыми днями ворочалась в койке, требуя фруктов, свежих «Известий» и соседей, которые не будут таскать у нее сахар из тумбочки. Сейчас вместо бабки на койке лежал я сам. Соседи куда-то запропастились вместе с соседскими койками, из-за чего помещение казалось вопиюще неэргономичным.

– Эй, кто-нибудь! – позвал я, завернувшись в простыню наподобие тоги и поднявшись с кровати.

Линолеум показался моим ступням непривычно прохладным и жестким. Не заслышав ответа, я крикнул громче:

– Эй, кто тут есть? У меня проблема! Я старый!

– Вовсе нет! Ты очень хорошо выглядишь для своего возраста! – отозвалось голубоглазое видение, возникшее в дверном проеме.

Видение было одето в короткий белый халатик и смешную шапочку с большим красным крестом посередине. Из-под бесстыдного халата торчали подвязки белых чулок в крупную сетку. На вид существу было лет двадцать, а ее длинным и стройным ногам могла бы позавидовать племенная кобыла. Халатик едва прикрывал крутые покатые бедра, а в груди был настолько узок, что верхние пуговицы не сходились, открывая на обозрение спелую молочно-белую грудь. Я уселся обратно на койку, просияв, по всей вероятности, самой дурацкой из своих улыбок.

– Меня зовут Света, – сообщило видение. – Я дежурная медсестра. Как ты себя чувствуешь, Марк? У тебя есть какие-нибудь пожелания?

Первое желание, пришедшее в голову при виде медсестры, я благоразумно оставил при себе. «Воды?» – пискнула оправившаяся от обид и потрясений дежурная мысль. На этот раз я не стал гнать ее прочь и высказал вслух.

– Вода в контейнере, – заявила Света таким тоном, каким могла бы сказать «Трава зеленая» или «Солнце встает на востоке».

Увидев мое замешательство, она приблизилась к обшарпанной тумбочке, нагнулась и секунду спустя извлекла наружу стакан с прохладной пузырящейся жидкостью.

– А сока можно? – спросил я.

– Конечно, – ответила Света, вновь склонившись над тумбочкой и подставив моим глазам шикарную задницу. – Какой тебе – апельсиновый, яблочный, томатный?

Я помычал, будто мешкая с выбором. Вдоволь насмотревшись на корму медсестрички, остановил выбор на апельсиновом. Сок тоже оказался уже налит в стакан. Прохладный, свежий и вкусный.

– Цветик, скажи, пожалуйста: где я нахожусь? – спросил я, утолив жажду.

– В больнице.

– Надо же. Кто бы мог подумать. Как долго я здесь?

– Три дня, – отчиталась Света. – После нырка пациенты всегда приходят в себя на третий-четвертый день.

– После нырка? Какого еще нырка?

Света залопотала какую-то дребедень, в которой я разобрал только два слова: «нырок» и «коллапс». После неоднократных уточнений выяснилось, что «нырок» на меджаргоне означает NRC, аббревиатура же расшифровывалась как Neuro Reactive Collaps, или, сокращенно, нейроколлапс.

– Это сотрясение мозга? – уточнил я. – А водитель КамАЗа? Он не перевернулся? Что с ним?

Теперь настал черед удивляться девушке. Света приоткрыла свой красивый ротик с пухлыми губками и вытаращила на меня голубые кукольные глазенки. «Цветочек», – обозвал я про себя милую девушку. Настолько же красива, насколько безмозгла.

– Я спрошу у доктора, – с сомнением пролепетала медсестра, развернувшись на каблуках и направившись к выходу из палаты. – Пожалуйста, не вставай. Тебе нужен отдых, а доктор навестит тебя во время дневного обхода.

Цветочек скрылась в дверном проеме, вильнув на прощание своей аппетитной кормой. В секс-шопе им, что ли, форменную одежду выдают? В черепной коробке засвербело так, будто там свили гнездо мыши. Прижав одну из мышей к ногтю, я обнаружил под ней постыдное воспоминание: пару недель назад мы с Юлькой смотрели вполглаза порнушку с торрента, отдыхая между припадками эротического безумия. Одна из героинь порнофильма была одета в похожую – да нет же, в точно такую одежду, в какой ныне щеголяет Цветочек!

С каждым новым впечатлением происходящее нравилось мне все меньше. Будто я оказался на американских горках и вагонетка набирает скорость с каждой секундой.

Презрев рекомендацию Цветика, я поднялся с постели, едва девушка скрылась из виду, и первым делом изучил тумбочку. Деревянная дверца на поверку оказалась пластиковой, облупленная краска – дизайнерским узором. Таким же ненатуральным, как потертости на фальшивом линолеуме. За дверцей открылась светлая прохлада холодильной камеры, забитой разноцветными стаканчиками, коробочками и упаковками. Нижняя полка оказалась заставлена стаканами, заполненными разнообразной жидкостью. «Негодное отношение к продуктам», – отметил я про себя.

Две боковые стены, на первый взгляд покрытые отсыревшей штукатуркой и потрескавшейся бежевой краской, на деле же – ровные и гладкие, прерывались матовыми прямоугольниками черного цвета. Узкие и длинные, почти в человеческий рост, они торчали в стене совершенно не к месту – как эбонитовые деревья в березовой роще. На ощупь эти пластины напоминали пористый графит («графеновые панели» – всплыла из подсознания непрошенная подсказка). Метр за метром я обследовал стены, пытаюсь обнаружить хоть что-то знакомое: электрическую розетку, радиоточку, пузатую коробку с выключателем света и кнопкой вызова медсестры. Нет, ничего. Стены гладкие, ровные и фальшивые, как мои передние зубы.

Вспомнив о зубах, я провел по ним языком и сразу удостоверился в том, что на месте все до единого. Включая два задних, которых мне несколько лет недоставало. Что за ерунда? Мне и зубы заодно вставили под наркозом? А счета кто оплачивать будет, если я их не подписывал?

От окна койку отделяло несколько метров. Преодолев это расстояние, я собрался с духом и выглянул наружу. Признаться, я уже ждал чего-то в этом роде. У въезда на больничную территорию припарковалось несколько автозавров с кириллическими госномерами: ВАЗ-копейка, 412-й Иж и зеленая «Волга» ГАЗ-24 с рукоятками дверей, похожими на защелки для подтяжек. Я мог поклясться, что именно этим машины стояли на автостоянке в те далекие дни, когда я таскал больной бабушке «Известия» с апельсинами.

Окно – такая же фикция, как все остальное. Даже трогать не нужно, чтобы в этом удостовериться. Нет рамы, нет форточки, сквозь стекло не проникают солнечные лучи. Стоит надавить пальцем на поверхность – и под ним растекаются пиксельные узоры. Дисплей, декорация.

Черт, может быть, это все-таки рай? Ад? Чистилище? Что, если я умер и теперь блуждаю в лабиринте остаточных сведений о себе и о мире? А где-то поблизости бродит неприкаянный дух моего убийцы – водителя КамАЗа. Вот-вот он материализуется в сузившейся до обрывочных воспоминаний реальности, гремя цепями противоскольжения и распространяя вокруг тяжелый запах солянки. Нет, уж лучше Цветочек со своими кружевными оборками и сочной грудью. Если демоны загробного мира выглядят так, то я не против провести в аду ближайшую вечность!

Добравшись до дверного проема, я предсказуемо хлопнулся лбом о кристально прозрачную поверхность из твердого материала. Стеклопанель? Нет, на первый взгляд – ни единого признака фотокамер и других элементов слежения. Я поволил рукой взад-вперед, похлопал в ладоши, потоптался и попрыгал перед дверью, но панель так и не отодвинулась. Похоже, я оказался в тюрьме.

– Эй, выпустите меня! – заорал я, обращаясь к пустоте. – Мне надо в туалет!

Мне никто не ответил. Со злости я хлопнул рукой по незримой двери, но вместо того, чтобы удариться о стекло, моя ладонь провалилась в пустоту, а за ней кубарем сверзился и я сам, теряя по пути свою белую тогу.

За пределами палаты открылся коридор с рядом дверных проемов. Проемы были затемнены снаружи – разглядеть, есть ли кто внутри, оказалось решительно невозможно. «Сим-сим, откройся», только что исполнившийся на ура, отказывался работать с любой другой дверью. Твердо решив не возвращаться в палату, покуда не найду кого-нибудь вменяемого и ком-

петентного, я выбрал наугад направление и пошлепал босыми ногами направо по коридору. Потолок и стены словно сочились матовым светом. Пол в коридоре был гладким и черным, как отшлифованный обсидиан. Если это и больница, вдруг подумалось мне, то не иначе как психиатрическая. И даже если я выжил, то, по всей видимости, тронулся умом после травмы.

На преодоление коридора ушло несколько десятков шагов, после чего передо мной раскинулся светлый холл – овальное помещение, от которого лучами разветвлялись еще несколько коридоров. За большими окнами, вделанными в круговую стену с равными интервалами, маячила солянка пейзажей: в одном лазурный океан подступал к пальмам, в другом олени в упряжке ташили по снегу длинные нарты с людьми, закутанными в меха до полной потери внешнего облика, в третьем плавали диковинные глубоководные рыбы. Одна из рыбин уткнулась тупой мордой в стекло и разглядывала меня с не меньшим любопытством, нежели я ее.

– Марк, ты должен немедленно вернуться в палату! – возвестила Цветочек, возникшая поблизости, едва я сделал шаг в холл.

– Я не сдвинулся с места, пока мне не объяснят, где я нахожусь и что тут, черт возьми, происходит! – рявкнул я.

И тут же пожалел об этом, увидев в глазах бедной девушки неподдельный испуг.

Впрочем, сам я был напуган не меньше. Хотя мы расстались всего несколько минут назад, Свету теперь облегал тонкий сплошной комбинезон из искрящейся ткани. Волосы были убраны в тугий пучок, а на лице не обнаружилось ни крупинки косметики.

– Ты когда переодеться успела? – только и выпалил я.

– Переодеться? Ты о чем, Марк?

– Прекратите мне тыкать! – возмутился я. – Кто вы такая? Почему вы только что были одеты, как шлюха? Почему у меня в палате бабушкина койка и сраный линолеум? Что это за место? Почему я старик? Признавайтесь!

– Тебя зовут Марк Гурецкий. Ты в горбольнице, – зачастила медсестра, оглаживая меня по рукам своими маленькими ладошками. – Двое суток назад тебя привезли к нам без сознания. Предварительный диагноз – обширный НРК. Основные функции организма в норме, не о чем беспокоиться. А палата и персонал выглядят так, как им привычно выглядеть в твоём представлении, система выбрала...

– В моем представлении? – опешил я.

– Ну да. Кому понравится просыпаться в незнакомом месте? – улыбнулась медсестра, взяв меня под руку и мягко, но уверенно увлекая в обратный путь по коридору. – Система извлекает из сферы данные о том, когда вы были в больнице в последний раз, и прорисовывает помещение соответственным образом.

– Откуда извлекает?

Цветочек остановилась и уперлась в меня подозрительным взглядом.

– Марк, скажи, пожалуйста: что ты помнишь? Опиши последнее событие перед тем, как ты очнулся в палате.

– Ну... я ехал по трассе и влетел в чертов КамАЗ. Меня ведро отвлекло. Нет, не ведро, а мазерати! На нем еще мажор ехал, чтоб ему пусто было. И дороги не освещены как следует. Нашего мэра надо гнать в шею за такое освещение.

– На чем ты ехал? – нахмурила лобик Света, и глаза ее сузились до размера щелок.

– На форде на своем. Ему, наверное, звездеч настал. Так ведь?

– Ты помнишь дату, когда это случилось?

– Эм-м-м... двадцать первое. Вторник.

– Двадцать первое – что?

– Мая, что же еще? – разозлился я.

– Спокойно, Марк, спокойно, – Цветик снова принялась оглаживать меня по рукам, успокаивая, как щенка. – А год помнишь?

– Год?!!

На этот раз я похолодел по-настоящему. Все увиденное мной за это утро начало складываться в цельную картинку. Ответ на незаданный вопрос был уже очевиден: кома. Но сознание отказывалось в него поверить.

– 2013-й, – сообщил я упавшим голосом.

– Вот и хорошо, – заверила меня Света, подталкивая к палате теплыми мягкими ладонями, от которых пахло цветочным лосьоном. – Вот и славно. Вот и замечательно. Сейчас доктор к нам подойдет, он тебе все-все расскажет.

– Я не собираюсь его полдня дожидаться, – буркнул я. – Пошли к нему в кабинет, я сам с ним поговорю.

– Он уже идет, Марк, – уверила меня Цветочек. – Пять минут, и Джон Викторович будет на месте. Сейчас сам убедишься.

Не знаю, что меня больше уверило – ее успокаивающий тон или немыслимое сочетание имени-отчества эскулапа, но так или иначе я подчинился. Мы вновь переступили порог палаты. За время моего отсутствия комната почти не изменилась. Разве что вместо тертого линолеума пол укрывал ламинат – в точности такой, какой был в палате, где я давным-давно провалился несколько суток после сотрясения мозга.

Цветочек тоже изменилась, едва переступив порог помещения. На месте комбинезона вновь возник фривольный халатик, волосы спрятались под чепчиком с маскарадным красным крестом, а длинные стройные ножки оказались затянутыми в чулки с крупной сеткой – на сей раз не белые, а кроваво-красные. Губы девушки запунцовели яркой помадой, а веки украсились густыми тенями и озорными черными стрелками. Так вот, значит, каким я хочу видеть медперсонал, да? Ну что ж, после знакомства с немецким кинематографом этого следовало ожидать.

Интересно, Света сама сейчас видит, как выглядит в моих глазах? На прямой вопрос я не решился, предположив, что ответ мне не понравится. Вместо этого я поинтересовался у медсестры, где тут можно отлить. Судя по вытарашенным глазкам, меня ждал ответ в духе «Земля вращается вокруг Солнца», но тут нас внезапно прервали.

– Здравствуй-те, Марк! – раздалось с порога. – Как вы себя чувствуете-те?

В палату шагнул высокий румяный мужчина средних лет. Белый халат небрежно накинут на трикотажный костюм. Над гладко выбритым лицом с высоким лбом и глубоко посаженными глазами топорщится ершик рыжеватых, колких, как проволока, волос. Губы искривились в улыбке, однако белесые голубые глаза смотрят внимательно и очень серьезно.

– Позволь-те представиться, – продолжил вновь прибывший, выговаривая каждое «те» столь усердно, как сам бы я выговаривал «позвольте-с», «разрешите-с» и «будьте любезны-с». – Хартли Джон Викторович. Я ваш врач, Марк... Витальевич. Нет-нет, не вставай-те, пожалуйста, прошу вас. Нам нужно о многом поговорить. И, поверь-те, вам лучше остаться в сидячем положении. Светлана, можешь идти.

Цветик послушно кивнула и засеменила к выходу, покачивая на ходу полными бедрами. Уже у порога она обернулась и кинула мне сочувственный взгляд. Я было ухватился за него, но девушки след простыл. Мы остались наедине с Хартли, и я уже знал с тупой необъяснимой уверенностью, что ничего хорошего сейчас не услышу.

Доктор подтащил один из стульев поближе к койке и оседлал его, выставив спинку вперед. «Защитная поза. Дружить со мной он не собирается», – припомнил я грамматику невербального языка. Я оплатил доктору той же монетой, усевшись по-турецки и скрестив руки

на животе. Несколько минут мы разглядывали друг друга в напряженном молчании. Наконец доктор заговорил тихим голосом:

– Понимаю, что у тебя накопились вопросы, Марк. Но давай-ка я для начала расскажу, что такое НРК. Фрагментарная амнезия, или нейроколлапс, – результат информационного перенасыщения, довольно распространенное последствие нарушения нейронных связей в корково-подкорковом слое головного мозга.

– Что, очередная чума XXI века? – насторожился я.

– Скорей диабет XXI века, – усмехнулся Джон Викторович. – Только не сахарный, а информационный. Наверное, с течением времени человечество адаптируется к новым условиям, но вот сколько это займет времени – поколение или два, – на этот вопрос пока не может ответить никто.

– Хорошо, а что у нас вместо инсулина?

– К сожалению, ничего, – развел руками врач. – Единственный способ борьбы с нейроколлапсом на сегодняшний день – это его профилактика. Мы рекомендуем избегать перенасыщения информацией, сильных эмоциональных потрясений, исключить профессиональную деятельность, требующую постоянного вовлечения в ноусферу...

– В ноусферу? – переспросил я. – Я не ослышался?

– НоУсферу, – поправил Джон Викторович. – Марк, честно признаюсь, у меня сейчас нет времени рассказывать вам обо всем, что случилось за последние шестьдесят два года.

– Шестьдесят два года!!! – вскричал я, вскочив с места.

– Вот видите, в какое положение вы меня ставите, – Хартли скривил лицо в кислой гримасе. – Мой профессиональный долг требует соблюдать покой пациентов, а вы понуждаете меня нарушать вашу информационную диету.

– К черту диету! Рассказывайте! Какой сейчас год? Что со мной? Я был в коме?

Джон Викторович сделал несколько успокаивающих жестов, как бы загоняя меня обратно на койку, но подчинения, разумеется, не дождался. Ноги сами понесли меня в челночную ходьбу по периметру больничной палаты. Понаблюдав за моими метаниями, доктор смирился с отказом и продолжил говорить, не выпуская меня из виду и вращая головой вслед за мной, как подсолнух за солнцем:

– Тебе сейчас 92 года, Марк. Я понимаю, что смириться с этой мыслью поначалу будет непросто. Но придется. Как и свыкнуться с тем, что обращение на вы давно вышло из обихода. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я перестану коверкать речь архаизмами?

– Валяй-те, – поддразнил я доктора.

– Ни в какой коме ты не был. Наш регистратор подготовил для меня краткий фарватер твоего жизненного пути на десять маяков, и я с ним ознакомился, прежде чем нанести тебе визит. Ты прожил долгую и в меру насыщенную жизнь. Наверное, мог бы прожить еще полвека: современный уровень развития геронтологии позволяет дотянуть до 130–140 лет. Однако нейроколлапс... – доктор вновь развел руками, будто не найдя правильных слов.

– Вы хотите сказать, что жить мне осталось недолго, – догадался я.

– Совершенно верно. Чем особенно неприятен нейроколлапс – так это рецидивами. Собственно, из-за повторных приступов мы (я имею в виду научное сообщество) не можем изучить этот недуг в достаточной степени, чтобы противостоять ему во всеоружии. Вслед за первым приступом вскоре наступает второй.

– Значит, это еще и инсульт XXI века, – мрачно заметил я, остановившись на полдороге от одной стенки к другой.

– Можно и так сказать. Прискорбно сообщать тебе об этом, но второй приступ почти гарантированно сводит пациента в могилу.

– И как скоро произойдет второй приступ? – спросил я, чувствуя, как холодеет моя спина. Завидев, что Хартли в очередной раз собирается развести руками, как если бы собирался взлететь, я остановил его жестом: – Нет-нет, Джон, хватит махать крыльями! Скажите честно.

Врач послушно сложил руки на спинке стула. Я невольно перевел взгляд на его ладони: по виду они довольно сильно контрастировали с молодым лицом Джона. На первый взгляд-то ему не больше тридцати, а вот сколько на самом деле?

– Бывали случаи, когда второй приступ откладывался на год–два и даже на несколько лет, – вздохнул Хартли. – Но чаще всего он настигает пациента гораздо раньше.

– Сколько у меня времени? – спросил я внезапно охрипшим голосом. – Несколько месяцев? Полгода?

Доктор немного помолчал, вперившись в меня пронизательным взором – как бы проверяя, достаточно ли я крепок, чтобы выдержать честный ответ.

– Неделя, – изрек он, наконец.

– Неделя, – эхом повторил я и уселся на койку, схватившись за голову.

– Когда НРК был совершенно малоизученным явлением, большинство пациентов умирали прямо в больницах, – пустился в исторический экскурс Джон Викторович. – Однако общество сочло такую практику неэтичной и нарушающей права личности на свободу выбора смерти. Мы не вправе лишать больного возможности провести отведенное ему время так, как он того хочет. Так что и ты, Марк, волен поступать, как тебе вздумается. Взвесь все за и против и прими решение.

– И какое решение обычно принимают мои... собраты по несчастью?

– У всех по-разному, – вновь забывшись, развел руками Хартли. – Одни проводят отмеренные им дни в кругу семьи, другие опустошают свои счета, чтобы слетать на лунную базу или промотать деньги в беспробудном загуле, третьи уходят в монастырь и погружаются в молитву. Я не знаю, какой способ тебе ближе. Надо отталкиваться от твоих интересов.

– Я тоже этого не знаю, – признался я. – Наверное, за прошедшие 62 года интересы у меня значительно изменились. Только вот как теперь вспомнить об этом?

– Покопайтесь в своем прошлом, – доктор пожал плечами. – Я скажу Свете, чтобы она вернула комм.

– Вернула что?

– Комм, – доктор оттянул рукав халата, чтобы продемонстрировать мне браслет, состоящий из нескольких сегментов разной величины.

Такой же я видел на руке медсестры, но считал его тогда современным украшением.

– Это какое-то устройство?

– Универсальный коммуникатор. Состоит из графеновых плашек, начиненных электронными мозгами. Он... как бы получше тебе объяснить... нечто вроде модема. Я не большой специалист в технических вопросах. Проще показать, чем рассказать. В общем, я распоряжусь, и Света тебе ассистирует. А сейчас прошу прощения, меня ждут другие пациенты.

Хартли поднялся, чтобы уйти.

– Вы ведь еще придете? – бросил я ему вслед.

– Конечно, – кивнул Хартли. – Нам придется еще кое-что обсудить. А пока что занимайтесь своими делами.

Проводив доктора взглядом, я принялся мерить шагами палату. «Занимайтесь своими делами». Хорошо сказано, доктор. Только вот какие у меня теперь могут быть дела? Шестидесять лет псу под хвост! Чем я все это время занимался – непонятно. С кем общался – неизвестно. Чего желал, что любил, к чему стремился – неведомо.

– Список дел! – объявил я. – Первое: задушить доктора Хартли. Второе: ассистировать Светлану. Третье: ассистировать Светлану еще раз, в другой позе. Четвертое: пожрать. Пятое...

На пятом пункте я срезался. Совершив несколько челночных путешествий от одной стенки к другой (и всякий раз ненароком касаясь приятных на ощупь стенных панелей), я так и не придумал, что мне обозначить пятым пунктом. Сходить в туалет? (Кстати, где здесь туалет?) Сбежать из больницы? Ущипнуть себя за руку, чтобы проверить, не сплю ли я?

Мои размышления прервала медсестра, появившаяся в дверном проеме с подносом, уставленным снедью. Под мышкой она придерживала стопку одежды. Сама Цветик на этот раз оказалась закутана в длинное до пят белое одеяние – ни дать ни взять сестра милосердия. Волосы спрятаны под огромным платком с вырезом для лица, надежно укрывшим плечи и грудь. Порывшись в оскудевшей памяти на предмет соответствия, я откопал там слово «апо-стольник».

– Ты чего это вырядилась, как монахиня? – нахмурился я.

– Марк, я понимаю, что ты сейчас немного не в себе, – сердито заявила Цветик. – Но предупреждаю официально согласно положению о харрасменте, что если ты не прекратишь меня домогаться, я буду вынуждена потребовать социальной защиты. А если ты снова посмеешь угрожать доктору Хартли, тебя вообще переведут из больницы в карантин для социально опасных элементов! Будь, пожалуйста, благоразумен.

– Вы меня что, прослушиваете? – взвился я, принимая из рук Цветика комбинезон из тонкой ткани, носки и мягкие туфли. – У вас тут микрофоны повсюду?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – ответила медсестра, опуская поднос на обеденный столик.

Содержимое подноса – глубокая миска с куриным бульоном, мягкие булочки, нарезанная ломтиками диетическая ветчина и тарелка с гречневой кашей, в которой виднелась моя любимая тушеная печенка с луком, – невольно вызвало у меня усиленное слюноотделение. Впрочем, я не собирался забывать об унижении ради миски похлебки.

– Вы знали, что я хочу жрать, – обрушился я на Светлану, путаясь в рукавах и штанинах непривычной одежды. – Знали, что я к тебе неровно дышу. И что готов придушить Хартли – об этом вам тоже известно. Если вы не следите за мной, тогда как?

– Ну как – «как»? Это же очевидно, – пожала плечами Цветик. – Ты говоришь – тебя слышат. Делаеть – видят. Мы же должны смотреть за больными! Вдруг тебе плохо станет?

– Ага! Значит, вы за мной подсматриваете! Но каким образом? У вас тут камеры?

– Какие еще камеры? – разозлилась сестричка. – Надень комм, задай координаты, сам все увидишь.

Отследив взгляд Цветика, я посмотрел на поднос. Между стаканом с кефиром и микроскопической упаковкой фруктового джема затаился черный браслет, состоящий из нескольких плоских прямоугольников разной длины. Я взял его в руки и поднес к глазам, чтобы как следует рассмотреть.

– Этот, значит, мой? – удостоверился я. – А почему он выглядит по-другому? На моем больше сегментов, чем на твоём!

– Когда мне в конце года премию дадут, я себе тоже мультипроцессор докуплю и визуализатор пятого поколения. Или мой Дениска мне на день рождения подарок сделает. Нет, лучше на День святого Валентина! Мне бы очень понравился такой подарок на День святого Валентина! Очень!

Последние фразы Света произнесла в пространство – настолько отчетливо, что мне почудилось, будто она общается с невидимкой.

– Так, ладно, – потратив четверть минуты на решение дилеммы – комм или гречка, – я сделал выбор и застегнул на запястье браслет. – Теперь что?.. Ой!.. Это что за иллюзион такой?

Пространство вокруг меня преобразилось. Каждая поверхность и каждый предмет в помещении обзавелись похожей на водяные знаки полупрозрачной пиктограммой. Еще целая куча пиктограмм рассеялись вокруг меня незримой сферой подобно созвездиям на небосводе.

Некоторые я опознал без труда: антикварного вида телефон, старинный же блокнот в деревянной обложке на тесемочках, массивный хронометр. Серп и молот, должно быть, символизировал рабочую деятельность, книга – библиотеку, а каталожный шкаф – хранилище документации. Миниатюрную голую бабу я не стал долго рассматривать на случай, если Света видит то же, что и я, а остальные пиктограммы (большей частью символы и иероглифы) пока не говорили мне ничего, что помогло бы их опознать.

Потянувшись наугад к одной из летучих картинок, я одновременно приманил ее к себе: полупрозрачная пачка «франклинов», только что парившая под потолком, послушно приблизилась и возникла прямо перед моим взором – так, чтобы до нее можно было дотянуться. Что я сразу и сделал. На месте пиктограммы развернулся экран с кучей текстовых и цифровых строчек, которые не сообщали мне ничего ровным счетом. Интуитивно понятной оказалась разве что жирная цифра в левом верхнем углу экрана – видимо, это состояние моего счета. Не без трепета насчитав в ней восемь цифр, я приободрился: последние 60 лет я, по крайней мере, не бездельничал. Впрочем, радоваться было преждевременно: я понятия не имел о том, в какой валюте указана сумма и какая у нынешних денег покупательная способность.

– Света, а как назад-то это убрать? – попросил я о помощи девушку, застывшую над мной в позе классной руководительницы – со скрещенными на груди руками и поджатыми губками.

– Смахни, и все.

Махнув на экран тыльной стороной ладони, я отогнал видение, счет свернулся в пачку банкнот и вновь упокоился под потолком. Я собрался было притянуть следующую пиктограмму, но вместо этого обратился к Цветику:

– А как это вообще работает?

– Что?

– Да вот весь этот «Виндоуз»! Откуда картинки в воздухе берутся?

– Картинки берутся не в воздухе, а в электромагнитном поле, – объяснила Цветик. – Графеновые панели на стенах видишь? Они формируют визуальное поле и взаимодействуют с твоим коммом.

– То есть информация в панелях содержится? А комм ее извлекает?

– Комм управляет средой, а панели обеспечивают визуализацию.

– А информация где содержится – в комме или в панелях?

– Да нигде она не содержится! – Цветик потеряла терпение. – Панели создают среду, комм ей управляет. Что тут непонятного?

– Непонятно, где содержится информация. Ты не злишь, просто объясни по-человечески. Как информация может быть «нигде»?

– Ну а как воздух может быть где-то? Он же везде, правильно? Вот так и информация. Это же элементарно!

Чтобы не выглядеть в глазах Цветика умственно отсталым, я сделал вид, что все понял.

– Ладно, значит, панели визуализируют среду. А вот что будет, если я выйду из помещения или окажусь там, где не будет панелей?

– Панели есть везде, где живут люди, – засмеялась девушка. – На улицах, на площадях, в зданиях. А вот если ты на сафари отправишься или в лес за грибами пойдешь, тогда, конечно, линзы надевать надо. Вон они, рядом с джемом.

Я извлек из миниатюрной круглой коробочки пару линз. На вид – линзы как линзы, ничего особенного. Впрочем, нет, особенность есть, да только заключается совсем в другом! Всю жизнь я носил очки или линзы, а теперь хорошо вижу собственными глазами!

– Старики еще очки по привычке носят, – известила медсестра. – Очки, по-моему, уже не продаются, но идут в комплекте с пенсионным пакетом.

Я посмеялся вместе с Цветиком над стариками, однако улыбка моя быстро угасла: вспомнив о своем возрасте, я отчетливо понял, что камешек был в мой огород.

– Что, разве я так плохо выгляжу?

– Нормально для своего возраста, – признала Цветик. – Но я тебе все равно не дам. Я сексом только с ровесниками занимаюсь. К тому же ты не в моем вкусе.

– Ух, надо же, – изумился я. – Ты так свободно говоришь о сексе?

– А что тут такого? Это же естественно.

С этим сложно было не согласиться. Хотя в эпоху, которую я отчетливо помнил, публичные разговоры о сексе были табуированы, а частные по той же причине сопровождались в лучшем случае стыдом, в худшем – налетом пошлости.

– А тебя часто домогаются? – поинтересовался я самым миролюбивым тоном, чтобы ненароком не вызвать в медсестре гнев или обиду.

– Нет, конечно же, я ведь не дура! – округлила глаза Цветик. – У меня на светофоре по умолчанию желтый цвет стоит. А таких, как ты, я сразу красным помечаю.

Теперь я обратил внимание на пиктограммы, призрачными мотыльками окружившие Цветика. Их было всего несколько, и большинство явно не интерактивные. По крайней мере, для меня. Ярче всех мерцал семафор агрессивно красного цвета.

– А зеленый ты когда-нибудь включаешь?

– Ну разумеется. Для Дениски он всегда зеленый. Ну и для Павлика иногда. Или, если какой-нибудь симпатичный парнишка где-нибудь встретится, я тоже его отмаркирую: вдруг я ему тоже понравилась?

Описать нахлынувшие на меня в этот момент чувства не хватит языковых инструментов. Вот почему такая несправедливость: чтобы оказаться в раю нормальных половых отношений, нужно было обязательно состариться и загреметь в больницу с нейроколлапсом? Это все равно что выиграть в лотерею миллион долларов и одновременно заболеть бубонной чумой!

Стараясь себя хоть чем-то утешить, я подманил с виртуальных небес свой личный семафор. Все было настолько интуитивно понятно, что с наводкой пиктограммы на Цветика и смежной цветов я справился за минуту.

– Ну и зачем? – заулыбалась девушка. – Я ведь все равно тебе не дам.

– А если я тебе новый комм куплю? С визуализатором этого самого поколения, которое там чего-то. Типа ко дню святого Валентина, м-м?

– Дурак, – Света покраснела.

Приосанившись, она демонстративно от меня отвернулась и зашагала по направлению к выходу.

Действительно дурак. Причем, как водится, старый. Седина в бороду – спермотоксикоз в гормональный фон. Чего я глуплю? Я уж, наверное, лет двадцать как на пенсии, таскаюсь по музеям и выставкам, а в постели меня греют разве что кошки.

Кстати, о кошках. Надо бы позвонить жене. Только сначала стоит привести себя в презентабельный вид.

Ткнув в миниатюрную иконку, мерцавшую на моем безыдейном одеянии, я получил в награду очередной экран, на котором можно было выбрать стиль верхней одежды. Чувствуя себя девчонкой, которая наряжает бумажных кукол в платьица, вырезанные из журнальных страниц, я промотал длинную галерею немыслимых костюмов и остановился на старой доброй джинсе. Да, так-то лучше. Придирчиво оглядев себя с головы до ног, я обнаружил себя одетым в джинсовые брюки и джинсовую же рубашу. Мягкие кедки (в моем детстве такие назывались чешками) оставались кедками на ощупь, зато с виду преобразились в замшевые сапожки с острыми мысками и на подбитых подковками каблуках. Немного по-ковбойски, конечно, но на первое время сойдет. В таком виде хоть не стыдно на люди показаться.

Я обшарил потолок глазами в поисках телефонного аппарата. Наверное, я слишком активно вращал глазами, потому что пиктограммы принялись плясать и перепрыгивать с места на место, пытаясь определить для себя наилучшее расположение. Я попытался унять автонастройку жестикуляцией, но ожидаемо потерпел поражение: часть пиктограмм сложилась в виртуальный сундук, а некоторые настолько увеличились в размерах, что загородили нормальный обзор. «Телефон!!!» – заорал я в надежде на чудо. Подчинившись моему голосу, телефон выскочил из цифровой помойки, явив собой узнаваемый облик винтажного гаджета.

Притянув к себе и развернув пиктограмму телефонного аппарата, я принялся изучать открывшееся меню. Контакты оказались поделены на несколько групп, каждая из которых обозначалась специальным титром или картинкой. На первом месте ожидаемо маячил домик с трубой, каким его изображают на рисунках дети пятилетнего возраста. Из печной трубы валил сизый дымок. Ради интереса я принялся, но меня ждало разочарование: симулировать запахи операционная система не научилась. А жаль.

– Жена! – наученный горьким опытом обращения с интерфейсом, я решил почаще пользоваться голосовыми командами.

В окошке домика замигал свет, дым из трубы сделался черным, после чего избушка надулась и выплонула наружу два женских портрета. Над первым значилось «ЖЕНА 1.0/3.0», над вторым – «ЖЕНА 2.4». Вторая женщина была мне незнакома.

Ага, догадался я. Скорее всего, я был женат трижды – развелся с Юлькой, женился на этой зеленоглазой, а потом снова вернулся к Юльке. Ну что ж, зеленоглазую оставим на потом. Эту я хотя бы знаю и помню.

– Юля! – приказал я интерфейсу, и первый портрет развернулся передо мной в огромный экран.

Женщина, представшая моим глазам, полулежала в глубоком кресле, похожем на стоматологическое. Лицо ее было замазано толстым слоем крема землистого оттенка, глаза закрыты. Полуголое тело массировали чьи-то сильные руки. Владелец рук маячил за кадром. Наверное, оно и к лучшему: я с удивлением для себя почувствовал укол ревности.

– Юля, – негромко позвал я.

Женщина открыла глаза и неприязненно глянула в мою сторону.

– А, это ты, – она вновь откинулась на уютный с виду подголовник. – Чего хотел?

– Поговорить, – растерялся я.

– Говори.

– Юля, я... это самое... – я вдруг с ужасом понял, что понятия не имею, что мне нужно сказать этой женщине и чего она ждет от меня. – Ну я тут, значит, в больнице... Юля!

– Я помню, как меня зовут. Слава богу, нейроколлапс не у меня.

– Так ты знаешь?

Жена засопела, не удостоив меня ответом. Чужие руки тем временем перестали массировать Юлино тело и принялись смывать маску влажными тампонами. Под маской обнаружилось молодое красивое лицо. Боже, она почти не изменилась! Я почувствовал, что влюбляюсь заново.

– Юля, ты такая красивая! – бросил я ей от чистого сердца.

– Потаскухам своим рассказывай, – ответила супруга почти без эмоций. – Говори прямо: чего хочешь?

– Тебя, – я не знал, о чем попросить жену, но в том, что сама она мне нужна, нисколько не сомневался.

– А медсестру полчаса назад кто хотел?

Я осекся, чувствуя себя так, будто меня пнули под дых.

– Кто тебе рассказал? Тебе Цветик пожаловалась?

– Девяносто лет – ума нет, – отреагировала жена. – На кой мне сдались твои цветики-кошечки-рыбки. Сам разбирайся со своим зоопарком.

Жена подняла ладонь, явно вознамерившись смахнуть экран и прервать наш разговор.

– Постой-постой, Юленька! – возопил я. – Не бросай меня так! Ты же видишь, в каком я состоянии!

– А ты, когда меня бросал, много думал о моем состоянии? – сварливо переспросила жена. – Когда по бабам своим шастал, много ты обо мне думал?

– Я ничего не помню, Юля, пойми же ты!

– Очень удобно устроился, – парировала жена. – Как по бабам шастать – так он в здравом уме и твердой памяти. А как память отшибло – так Юля ему сразу понадобилась. Ты паразит, понял? Кровосос. Всю душу из меня высосал. Видеть тебя больше не могу.

– Ну прости, прости, – залопотал я, донельзя огорченный. – Если я в чем-то перед тобой виноват, я готов это признать и покаяться. Просто я ничего не помню. Как наш Андрюшка? Как наш сладкий канапапундель?

– Наш сладкий канапапундель заведует университетской кафедрой, – отозвалась жена. – Под его руководством сейчас три докторские диссертации пишутся. Защита пройдет – поедет с внуками загорать на Аляску.

– Загорать? На Аляску? Ладно, не суть. Он знает, где я?

– Понятия не имею. Вы же с ним двадцать лет как не разговариваете.

– Двадцать лет!!! – заорал я. – Как так?!!

– Себя спрашивай. Ты же ему на дверь тогда указал. Вот и пожинай плоды.

– Юля, подожди... Это все чертовски неправильно. Я ничего не помню. Я... я должен сообщить тебе очень плохую весть, – порывшись в рукаве, я нашел последний, самый действенный аргумент: – Юля, я скоро помру.

Юля вздохнула, приподняв брови, и ничего не ответила.

Последний раз я плакал в далеком детстве и забыл, как это делается. Но где-то за броней лицевых костей вдруг засвербело так сильно, что я понял: еще немного, и я разрыдаюсь.

– Ты не можешь быть такой жестокой! – взмолился я. – Мне очень нужна твоя поддержка. Мне сейчас даже обратиться не к кому, понимаешь? Что мне сейчас делать, посоветуй!

– Составь завещание, – ответила жена и махнула рукой, дав отбой связи.

Не знаю, сколько времени прошло, пока я сидел на больничной койке, раскачиваясь в кататоническом ступоре и раз за разом прокручивая про себя разговор с Юлей. Мне показалось, часы, но, быть может, это были только минуты. Надевать сорванный в досаде браслет, чтобы бросить взгляд на хронометр, мне не хотелось. Впрочем, за фальшивым окном уже сгустились сумерки, и оставалось надеяться, что виртуальная действительность на стенном экране синхронизирована с реальным временем.

В палату ко мне все это время не заходили. Может быть, все меня бросили? И никому до меня теперь нет никакого дела? И даже если я прямо сейчас разбегусь и ударюсь головой о стену, никто мне не помешает?

Хотя нет, последнее вряд ли. Наверняка кто-то притащится, едва я встану наизготовку и открою рот, чтобы произнести заветное «На старт, внимание, марш». Даже проверять смысла нет. Я уже догадался, откуда Юлька узнала про медсестру, а Цветик – про все остальное.

«Ноусфера», – сказал доктор Хартли. Вот оно! Похоже, это то самое, о чем мы говорили с Серегой, аккурат прежде чем... Серег! Вот кто мне нужен! Вот кто мне все объяснит и наверняка подставит руку, локоть, плечо, или что там в этих случаях подставляют. На крайний

случай сойдет и жилетка. Мне сейчас все равно, лишь бы меня кто-то выслушал и по возможности ответил на мои вопросы по порядку и без претензий, на которые я не в силах ответить.

Нацепив браслет на руку, я сориентировался в «звездной сфере» (так я для себя обозначил скопище пиктограмм и менюшек), выбрал телефонный аппарат и в открывшемся экране подтянул к себе папку «Друзья».

«А ведь я быстро все схватываю», – пришла в голову самодовольная мысль, когда запланированные действия удались с первого раза. Впрочем, это может быть не смекалкой, а тактильной памятью, которую не затронула амнезия. Надо будет уточнить у доктора.

– Серега! – позвал я.

Серег, разумеется, набралось не меньше десятка, причем большинство были мне не знакомы. На одних пиктограммах красовались портреты, на других я обнаружил себя самого – то удыщим рыбу, то чокающимся стопкой, то просто в обнимку с каким-нибудь очередным Серегой, в одном случае даже голым. Нет, так дело не пойдет.

– Лебединский!

Хитрая блондинистая рожа, представшая моему взору, на этот раз не оставляла сомнений: он, старый бандит! Я ткнул Серого пальцем в нос, и харя приятеля разверзлась экраном.

Зрелище, открывшееся моему вниманию, было не из приятных: пожилой и обрюзгший мужик с красной лысиной восседал на унитазе, вчитываясь в невидимый мне текст и шевеля при этом толстыми губами. Я уж было подумал, что ошибся номером (если это словосочетание сколько-нибудь применимо к такой форме контакта), но вовремя понял, что этот грузный мужик и есть мой Серега. Просто немало потрепанный жизнью, состарившийся и неопрятный.

– Кто здесь? – недовольно пробасил абонент. – Посрать не дадут. Ох, мамочки родные! Ты-то откуда нарисовался?

Судя по лицу, Серега был мне рад не больше, чем дорогая супруга. Лоб его сморщился, губы недовольно поджались, а глаза смотрели прохладно, как если бы нас не связывали давние дружеские отношения.

– Серега, это же я!

– Да уж вижу. Чего тебе?

– Беда у меня стряслась. Да просто жопа, если честно. Не знаю даже, с чего начать.

Серый вздохнул.

– Ну выкладывай основное. Что там у тебя за жопа, чья она и насколько пригодна для пенетрации.

Я невольно улыбнулся, заметив про себя, что внутри неприятного старикашки, оседлавшего унитаз, спрятался хорошо знакомый мне человек.

– Серега, у меня тут нейроколлапс случился. Я в больнице. Доктор говорит, что жить мне, похоже, осталось с неделю или около того. Ни хрена не помню вообще. Последнее, что помню, – это то, как мы с тобой в 2013-м задумывали бизнес по научной волне. Ноусфера, понимаешь? Так что же, Серег, выходит, у нас все получилось? Мы открыли доступ к информационному полю и запатентовали изобретение?

Серега уставился на меня выцветшими глазами в крайней степени изумления. Затем вдруг хитро прищурился:

– Так ты ничего не помнишь, да? Вот прям вообще ничего?

– Говорю же, вообще ни хрена! Так что, получилось у нас?

– Ну да, в общем и целом, – проронил Серега, почесав свой массивный нос, усеянный крупными порами. Я припомнил, что почесывание лица означает попытку слукавить. – И доступ открыли, и изобретение запатентовали, да. Правда, не то чтобы мы с тобой, но да, все получилось.

– Погоди, как это не мы? Мы что – не при делах?

– Не, ну тут так сразу, в двух словах, не объяснишь. Проще в энциклопедию заглянуть, там все фарватеры по событиям выставлены. Тебе маяк, что ли, скинуть?

– Серега, ты сейчас по-японски со мной разговариваешь. Какой, на хрен, маяк? Какой фарватер? Мы что, в кругосветке? Объясни человеческим языком. А еще лучше приезжай, а то я тут один среди незнакомцев, которые мне не рады. Чувствую себя персонажем из театра теней. Ты можешь приехать?

– Приехать? Ну, наверно, могу. Я так-то не занят пока. Сижу тут в Хабаровске, некоторые вопросы решаю. Так ты, значит, ничего не помнишь, да? – зачем-то переспросил он снова. – Ну и хорошо, тогда сиди на жопе, не дергайся, а я через пару–тройку часов подгребу. Тебе повезло, что я в России сейчас. Я как раз собирался в Австралию лететь по некоторым делишкам, ну да ладно. Шас билет закажу.

Серый смахнул связь, и я вновь обнаружил себя в одиночестве. Рассеянная в помещении белизна казалась мне физически ощутимой и шершавила кожу. Стены палаты давили, а воздух, кондиционированный и ароматизированный, представлялся мне спертым. Я понял, что если прямо сейчас не выберусь на улицу, хотя бы в прогулочный дворик, то окончательно съеду с катушек.

– Я гулять, – объявил я во всеуслышание тоном, не терпящим возражений. – Слышите, эй, кто там на шхуне? Гулять я.

Поднявшись с койки, я направился к выходу из палаты, твердо про себя решив, что если кто-нибудь попытается встать у меня на пути, то ему несдобровать!

Путь наружу мне никто преградить не отважился. По дороге мне не встретилось ни единой живой души, если не считать старичка с мочесборником, явно уже шагнувшего одной ногой в могилу. Другую он волочил по коридору лечебницы, слоняясь без видимой цели. На вид старику было лет триста, взгляд его клубился туманом воспоминаний, и если дедуля что-то вокруг замечал, то определенно не меня. Зато комм услужливо подsunул моему вниманию портрет дедка с авторизованной подписью – Васильев Николай Павлович. Вероятно, стоило ткнуть на портрет – и я ознакомился бы с биографией старичка, генеалогическим древом и длинным списком заслуг. Но, поразмыслив мгновение, я решил не засорять мозг ненужной информацией. Кроме того, отвлекись я на лишние пару минут, и меня мог тут застукать кто-нибудь из персонала. А конфликтовать с кем бы то ни было мне совсем не хотелось.

Я прошагал напрямик к лифту: комм предусмотрительно развесил по стенам стрелочки-указатели, а стоило мне сделать первый поворот, повинувшись указке, он высветил на полу маршрутную линию. Двери стеклянной капсулы, полностью прозрачной за исключением пола и потолка, разъехались в стороны, едва я приблизился к ним на расстояние вытянутой руки. Привычных кнопок внутри не оказалось. Зато тут же всплыли виртуальные клавиши: комм предложил выбрать один из четырех этажей, не считая подвала. Не выявив в себе желания скататься на экскурсию в местный морг, куда, все к тому, меня и так через неделю отвезут, я выбрал нулевой этаж и спустя несколько секунд очутился на свежем воздухе: лифт одновременно был и выходом из больничного здания.

Снаружи было прохладно и все еще светло. Верхушки мачтовых сосен, собравшихся тесным семейным леском вокруг здания клиники, золотились последними лучами светила. Асфальтированная дорожка (если эту идеально ровную поверхность справедливо считать асфальтом) уводила от лифта к большой клумбе, густо засаженной цветными кустиками. Несколько дорожек расходились от клумбы в диаметрально противоположных направлениях, прячась в чаще деревьев. Комм не замедлил предложить мне на выбор три прогулочных маршрута, однако меня интересовал не променад, а выход за территорию госпиталя. Он, впрочем,

был хорошо виден прямо от лифта: дорожка, на которую я ступил, прерывалась клумбой, чтобы затем возобновиться и через несколько десятков метров упереться в пустую просторную арку. Ни стен, ни ворот эта конструкция не предусматривала.

Дойдя неспешным шагом до арки, я увидел за ней широкую автотрассу, будто выжженную посередине густого соснового бора. «А неплохо тут Хартли с командой устроились! Явно не для бедняков заведение», – подумал я. Надеюсь, что у меня не возникнет проблем с оплатой больничных счетов, я сделал было шаг наружу, но в этот самый момент прямо передо мной возник Хартли. Ну не то чтобы сам Хартли, но его точная копия, спроецированная графеновыми панелями, вмонтированными в стены арки.

– Марк, ты, конечно, волен поступать по своему усмотрению. Но должен тебя предупредить, что согласно положению о добровольном получении и отказе от медицинских услуг выход пациента за территорию клиники автоматически означает выписку, – провозгласила копия.

Я демонстративно поставил одну ногу на трассу и перенес туловище вперед – так, чтобы на территории больницы оставалась только пятка моей правой ноги.

– Так нормально? – спросил я, вытянув руки в сторону горла Хартли, как заправский упырь.

– Если тебе угодно дурачиться, то помешать я, конечно, не вправе, – вздохнул Хартли. – Но если ты нечаянно кувыркнешься вперед, то я уже не смогу ничего для тебя сделать. Система учета больных автоматически выпишет тебя из числа пациентов, твою палату приборут и забронировать для других больных.

– Понятно, – я вернулся в исходное положение. – А вы, значит, намерены что-то для меня сделать. И что именно?

– Все, что в моих силах, – развел руками Хартли.

– Другими словами, ничего толком. Вы ведь не можете предотвратить второй приступ? Хартли отрицательно покачал головой.

– И память вернуть вы мне тоже не можете.

Хартли уныло кивнул.

– Ладно. Тогда я скажу, что вы в состоянии для меня сделать. Не возникайте, пожалуйста, вот так наобум. Постучитесь, позвоните, сделайте что-нибудь, чтобы не застать меня в неудобное время или в пикантной позе. Договорились?

– Марк, прости, но этого я тебе тоже гарантировать не могу, – пожаловался доктор, всем своим видом демонстрируя сожаление. – Ноусфера связывает людей напрямую. Я, конечно, могу отправлять тебе голосовые или текстовые сообщения, но в момент передачи данных я тебя буду видеть так же хорошо, как сейчас. Зато ты в любой момент можешь меня смахнуть. Это же здорово, правда?

– Не уверен. Как это работает? Почему смахнуть можно, а отказаться от вызова – нет?

– Извини, Марк, мне сейчас немного недосуг объяснять. Пускай лучше твой друг тебе все расскажет. Он уже прилетел, ему добираться сюда не более получаса.

– Вы и разговоры, значит, чужие подслушиваете? – приуныл я.

– Мы не подслушиваем, просто слышим, – терпеливо ответил Хартли. – Погуляй пока по маршруту, твой Серега тебя скоро найдет. И еще одно: обращай ко мне, пожалуйста, на ты, ладно? А то я себя чувствую каким-то ископаемым.

– Ладно. Пошел-ка *ты*, Джон Викторович!

Хартли огорченно засопел, смахивая диалоговое окно.

««Выставить температурный режим?»» – поинтересовался у меня костюмчик из фальшивой джинсы. Я сказал сапогам большое спасибо и выставил температуру +20 с умеренной влажностью. Теперь вечерняя прохлада освежала лишь открытые участки кожи: лицо и ладони. Одежда справлялась с автоподогревом на ура. Интересно, откуда комбинезон черпает энергию? Неужто прямо из воздуха? Надо бы узнать, из чего сделан материал и как это работает.

Почему, как, зачем? За что, наконец, мне все это? Слишком много вопросов и категорически мало ответов. Прогуливаясь по тропинкам и пиная подвернувшиеся под ноги шишки, я гнал от себя мысли о том, что нейроколлапс лишил меня прошлого и будущего и оставил в чужом настоящем, где мне все чуждо, а сам я никому толком не нужен. Присев на скамейку, я попытался отогнать хандру, позабавившись с иконками интерфейса. Дорожка и пространство вокруг скамейки были залиты приятным серебристым светом, как от полной луны, только гораздо ярче. Свечение парило в воздухе, будто не имея источника. Поскольку никаких фонарей вокруг видно не было, я отнес иллюминацию на счет вездесущих черных панелей, развешенных тут и там на стволах деревьев. Они же позволяли коммуникатору обеспечить меня компанией объемных цветастых иконок и плоских невыразительных пиктограмм.

Для начала я решил поиграть с программой примерки одежды. Пролитывая список стилей и вариантов, я то и дело надевал на себя различные варианты костюмов, чувствуя себя девочкой, наряжающей бумажных кукол в платьица, вырезанные из журнальных страниц. Прервался я лишь тогда, когда обратил внимание, что под каждым одеянием указаны цифры, и стоит мне переодеться в новое платье, как пачка банкнот над моей головой боязливо вздрагивает.

Несмотря на дарованный комбинезоном микроклимат, я поежился: не хватало еще растрагить свои «гробовые» на детские забавы. Впрочем, я не удержался от последней импульсной покупки и приобрел себе наружность «ангела ада»: косуха в заклепках и лейблах, кожаные штаны, сапоги-казаки с литыми металлическими мысками. Приглядевшись к сапогам, я с неудовольствием понял, что для разработки дизайнера за основу были взяты те же ковбойские, что я только что «снял». Халтурят нынешние модельеры, чего уж тут.

– Эй, Оззи, ты на старости лет в неформалы решил податься? – окликнул меня голос, в котором, несмотря на стариковский тембр, прорезывались знакомые молодецкие нотки. – Ну пойдем в местный гаштет, слопаем пару летучих мышей.

Вскочив с лавочки, я подался навстречу посетителю. Серега даже выставил ладони вперед, чтобы я не налетел на него и не помял костюмчик. Выглядел он солидно: твидовый пиджак песочного цвета, хорошо скроенные синие брюки, голубая рубашка из твила и замшевые туфли на старомодных деревянных каблуках. Неуклюжего и неприятного толстяка, пару часов назад сидевшего на унитазах, выдавал разве что безумного цвета галстук-бабочка – желтый в синюю крапинку. Я невольно потянулся к бабочке, чтобы ее потрогать, хотя уже знал без всяких сомнений, что наткнусь на эластичную ткань универсального комбинезона.

– Наномакинтош, твою наномать, – усмехнулся Серега, заключив меня в объятия. – Ну, ну, перестань, ты чего, братишка?

Я повис на Сереге, прижимаясь к его жирному туловищу так, как младенец льнет к материнской груди. Из моей грудной клетки рвались всхлипы и стоны. Вся моя сегодняшняя самоуверенность обернулась бравадой, за которой скрывался дикий страх – за себя, за мир, в котором я оказался, за свое сомнительное и шаткое место в этой незнакомой и необычной реальности. И единственным человеком, на которого я в нем мог положиться, оказался Серега. Хотя, помнится, я никогда не числил его в списке близких друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.